

Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія ¹⁾.

Экономическія отношенія.

Въ 1888—89 г.г. я помѣщалъ въ «Кіевской Старинѣ» мои письма объ украинскомъ народномъ міровоззрѣніи. Я говорилъ о религіозномъ міровоззрѣніи и о семейныхъ отношеніяхъ. Теперь я хочу поговорить о народномъ взглядѣ на правовыя нормы экономической жизни. Такъ какъ мои письма печатались довольно давно, то мнѣ приходится здѣсь повторить, что я далеко отъ притязанія на исчерпывающее освѣщеніе предмета. Это не болѣе, какъ попутныя наблюденія человѣка, ноставленнаго условіями личной жизни въ довольно близкое соприкосновеніе съ сельскимъ людомъ. Къ тому же и районъ наблюденій довольно ограниченъ: въ молодости я жилъ въ кіевскомъ уѣздѣ, потомъ поселился въ скварскомъ (кіевской губ.) и дѣлалъ иногда болѣе или менѣе от-

---

¹⁾ Настоящая статья, служащая продолженіемъ печатавшихся въ «Кіев. Старинѣ» (1888 г. № 11; 1889 г. № 9—11) очерковъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ, найдена была между бумагами Э. Р. Рыльского послѣ его смерти. Нанинъ дорогой сотрудникъ готовилъ эту часть статьи тоже для нашего журнала, но продолжительная болѣзнь не позволила ему окончательно обработать ее до конца, такъ что только начало статьи помѣщается теперь въ окончательной отдѣлкѣ, а остальная часть, тоже почти совсѣмъ выправленная, печатается по черновымъ листамъ. *Ред.*

даленныя экскурсії по Украинѣ. Этимъ матеріаломъ личныхъ наблюдений я и хочу главнымъ образомъ воспользоваться въ настоящемъ письмѣ.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ ко мнѣ обращался за разными совѣтами одинъ зажиточный крестьянинъ сквирскаго у., имѣвшій въ виду купить у сосѣдняго помѣщика около 30 десятинъ земли. Онъ ее и купилъ, но во время разныхъ совѣщаній о цѣнѣ, условіяхъ продажи и т. п. онъ мнѣ сказалъ, что, можетъ быть, стремясь къ покупкѣ даннаго куска земли, онъ поступаетъ неблагоприятно, такъ какъ говорятъ, что всѣ земли будутъ надѣлять на души и что въ такомъ случаѣ данная покупка будетъ для него бесполезною (ему придется получить и такъ достаточное количество земли). Этотъ крестьянинъ принадлежалъ къ числу зажиточныхъ, что видно уже и изъ размѣровъ покупаемаго (безъ содѣйствія какого-нибудь кредитнаго учрежденія) участка. Въ виду этого его взглядъ на данныйъ вопросъ былъ результатомъ спокойнаго размышленія, выросшаго на общемъ фонѣ крестьянскаго міровоззрѣнія, а не продуктомъ страстной мечтательности. «Тымъ часомъ докы що буде, треба купыть».

Глухіе, неопредѣленные толки о вѣроятныхъ болѣе или менѣе радикальныхъ аграрныхъ преобразованіяхъ, зарождаются, какъ извѣстно, отъ времени до времени среди селянъ той или иной мѣстности. Вѣсти о подобныхъ толкахъ вызываютъ часто преувеличенную тревогу и служатъ матеріаломъ для обличенія крестьянъ въ грубой жадности, невѣжествѣ и т. п., и благо еще, если этимъ только и ограничивается обличительное направленіе. Необходимо, однако, констатировать, что бѣльшее оживленіе подобныхъ толковъ въ извѣстные моменты не вызываетъ обыкновенно пасивныхъ дѣйствій со стороны крестьянъ. Причину этого я постараюсь объяснить дальше, теперь же хочу указать на одно явленіе, довольно часто повторяющееся и находящееся въ связи съ даннымъ общимъ направленіемъ народной мысли.

Когда случается, что какой-нибудь болѣе значительный участокъ земли или все помѣщичье имѣніе продается, и имѣніе это

покупаютъ другой помѣщикъ или вообще чужой человѣкъ, то крестьяне даннаго села обыкновенно говорятъ: «мы жъ ближнійши», особенно если имѣніе торговали и они. На основаніи этого аргумента («мы жъ ближнійши») они довольно часто обращаются къ властямъ съ просьбой уничтожить данную сдѣлку и предоставить мѣстнымъ крестьянамъ преимущественное право купить землю за цѣну, условленную покупателемъ. Надежды и оживленіе въ подобныхъ случаяхъ бываютъ обыкновенно довольно значительны. Случается, разумѣется, что нечистые дѣльцы своекорыстно возбуждаютъ эти надежды обѣщаніями цѣлесообразной юридической акціи, тѣмъ не менѣе, когда хлопоты въ данномъ направленіи оказываются тщетными, населеніе, не безъ чувства горечи, конечно, примиряется съ фактомъ, вытекающимъ изъ положительнаго закона. Отмѣченное въ указанныхъ случаяхъ отсутствіе склонности къ насильственнымъ дѣйствіямъ, наряду со смѣлостью теоретическихъ предположеній, неправильно было бы объяснить пассивностью народнаго темперамента и тому подобными соображеніями.

Какъ извѣстно бываютъ у насъ случаи такъ-называемыхъ аграрныхъ столкновеній, сопряженные съ дѣяніями, которыя юридическая терминологія подводитъ подъ понятіе самоуправства, насилія и т. п., но эти столкновенія имѣютъ мѣсто тогда только, когда (основательно или ошибочно) крестьяне предполагаютъ, что положительный законъ на ихъ сторонѣ, и что онъ самоуправно нарушается другими лицами во вредъ имъ, и потому считаютъ дозволенной большую рѣшительность дѣйствія при осуществленіи своего права.

Въ случаѣ, когда крестьяне рассчитываютъ на преобразование въ желательномъ для нихъ направленіи положительнаго закона, они не оставляютъ легальной почвы, обращаются къ официальнымъ лицамъ и учрежденіямъ, компетентнымъ по ихъ мнѣнію въ данномъ отношеніи, не предпринимая отдѣльныхъ дѣяній, заирецаемыхъ существующимъ положительнымъ закономъ.

Если мы захотимъ разобраться въ основахъ народнаго міровоззрѣнія по данному вопросу, то, отвлекаясь отъ своеобразныхъ формулъ народной стилизаціи, мы можемъ, мнѣ кажется, такъ ихъ формулировать: данный аграрный строй не есть окончательное звено сюда относящейся эволюціи общественныхъ явленій; будущее развитіе расширить земельныя права лицъ, обрабатывающихъ своимъ непосредственнымъ трудомъ землю, при чемъ безвозмездность этого преобразования не есть необходимое его условіе («теперь нема бесплатной земли»), законодатель имѣеть очень широкія полномочія по данному вопросу и потому съ положительными его требованіями въ каждый отдѣльный моментъ нужно серіозно считаться.

Выраженное въ этомъ болѣе обычномъ для насъ стилѣ народное міровоззрѣніе не производитъ уже впечатлѣнія фантастической мечтательности, диктуемой грубой жадностью. Не входя въ оцѣнку даннаго міровоззрѣнія по существу, мы должны признать, что взгляды многихъ серіозныхъ мыслителей и практическихъ общественныхъ дѣятелей довольно близко съ нимъ сходятся, отличаясь только болѣе строгой аргументаціей, болѣе послѣдовательнымъ ходомъ мысли и болѣе уравновѣшенными соображеніями о степени общей и технической культурности общества.

Но если въ программу настоящаго очерка не входитъ разборъ даннаго міровоззрѣнія по существу, то сюда, конечно, относится все, что можетъ уяснить генезисы направленія народной мысли.

Въ скромныхъ, намѣченныхъ уже раньше, рамкахъ настоящихъ замѣтокъ, я постараюсь это сдѣлать. Но общія разсужденія я предпочитаю замѣнить фактическими наблюденіями. Я начну съ экскурсіи въ край архаическихъ (до недавняго по крайней мѣрѣ времени) аграрныхъ отношеній. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (19-го столѣтія) я проѣзжалъ по землѣ бывшаго войска черноморскаго. Изъ Ейска въ Екатеринодаръ я ѣхалъ на одноконной подводѣ съ возницею, уроженцемъ полтавской губ., но прожившимъ уже нѣсколько лѣтъ въ Черноморіи. Мы ѣхали не спѣша, пасли лошадь по мѣрѣ надобности въ степи, не справ-

ляясь ни съ какими разрѣшеніями. Меня это не удивляло, такъ какъ изъ болѣе давней экскурсіи въ Новороссійскій край я былъ знакомъ съ такой свободой отношенія къ подножному корму. Но я удивился, когда въ одномъ мѣстѣ мой возница остановилъ лошадь среди дороги, досталъ изъ воза косу и началъ косить прекрасную степную траву. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаеть, онъ отвѣтилъ, что намъ придется ночевать въ балкѣ, въ которой нѣтъ хорошей травы, и потому нужно здѣсь заpastись. Я ему замѣтилъ, что не въ томъ дѣло, но что такимъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ сѣнокосу мы можемъ нажить непріятности.—«Ни, ще тутъ—хвалить Бога—цѣго немає». Въ другомъ мѣстѣ мы проѣзжали около хаты, въ которой хозяйка козачка угощала пришлыхъ рабочихъ косарей «чаркою и вечерею». Мѣстное населеніе не могло справиться съ уборкой сѣна и хлѣба тѣмъ болѣе, что мужское населеніе было отвлекаемо продолжавшеюся еще борьбою съ горцами. Пришлые рабочіе были желанными и сравнительно хорошо оплачиваемыми помощниками въ козацкомъ хозяйствѣ. Въ данномъ случаѣ исполненіе хозяйскихъ обязанностей по отношенію къ харчеванію смѣшивалось, подъ вліяніемъ удачной косовицы, съ гостепріимнымъ радушіемъ. Хозяйка была радостно возбуждена, косари начинали уже пѣть, мы чуть было не попали, по приглашенію хозяйки, въ оживленную компанію. Проѣзжая дальше, я сказалъ моему возницѣ, что хозяйка, угощавшая косарей, имѣла видно много земли, такъ какъ косарей у нея работаетъ много. Мой возница объяснилъ мнѣ, что не въ землѣ тутъ сила, а въ дѣпгахъ; всякій можетъ накосить сколько имѣеть силы, «скільки може, стільки и накосить».

Изъ Екатеринодара въ Тамань я пріѣхалъ уже съ другимъ возницей, имѣя въ виду переѣхать оттуда въ Керчь и Одессу. Мой возница «впросывся» ночевать въ одну изъ станичныхъ хатъ. Пароходъ, сообщавшій Тамань съ Керчью, ходилъ въ то время, помнится, одинъ разъ въ недѣлю, и такъ какъ я не успѣлъ ко времени его отхода, то мнѣ пришлось прожить въ Тамани нѣсколько дней. Съ разрѣшенія хозяйки и старухи-матери я остался въ той же хатѣ; хозяинъ находился на военной

службѣ. Во время моего пребыванія прїѣхалъ на одинъ день и онъ. Разъ хозяйка заявила ему: «а що—пора вже нашъ ячминь жать».

— «А де жъ нашъ ячминь?»—спросилъ хозяинъ. Жена рассказала ему, называя разные урочища. Меня удивило такое незнаніе со стороны хозяина мѣста его ярового посѣва. Но дѣло объяснялось просто. Всякая козацкая семья засѣвала тотъ или иной хлѣбъ въ томъ мѣстѣ, которое она считала удобнымъ, оставляя послѣ одного или нѣсколькихъ сборовъ пидъ «нерелигъ», которымъ могъ воспользоваться тотъ или иной изъ хозяевъ. На другой день хозяйка съ наймытомъ собрались ѣхать собирать ячмень. Такъ какъ я видѣлъ, что съ моего возницы не взяли платы за прокормъ его съ конемъ, то, предполагая (какъ оказалось, основательно), что и со мною это можетъ случиться, я предложилъ свое участіе въ сборѣ ячменя. Жнецъ то я былъ неважный, но все-таки жалъ кое-какъ. Мы и отправились вмѣстѣ. Ячмень, дѣйствительно, удался прекрасно и потому его жали, а не косили. Мѣсто, гдѣ онъ былъ посѣянъ, было порядочно таки удалено отъ станицы, такъ что мы и ночевали въ полѣ, несмотря на то, что съ нами были лошади. Смотря на этотъ прекрасный ячмень и припоминая значительное разстояніе, которое мы проѣхали въ степи, я думалъ, что недаромъ же хозяйка потрудила свою умную «головку» и свои «били нижкы». выбирая мѣсто для посѣва.

Вотъ аграрныя условія, при которыхъ для мѣстнаго населенія «степы-поля» была, дѣйствительно, «роскишь моя». Встрѣчались они на мѣстахъ наиболѣе поздняго поселенія малорусскаго племени. Здѣсь исторія аграрныхъ отношеній находилась въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ фазисовъ своего развитія, и потому въ этой новой землѣ можно было замѣчать черты, свойственныя очень давнему періоду развитія давнонаселенныхъ мѣстностей, не оставившему послѣ себя даже достаточныхъ документальныхъ данныхъ. Правда, и въ то уже время въ теоріи, значащейся въ официальныхъ документахъ, право пользованія землею было болѣе точно регламентировано (30 десятинъ, кажется, на

простого козака), но регламентація эта существовала только на бумагѣ. Тѣмъ не менѣе и въ краѣ этого земельного приволья встрѣчались уже--по словамъ мѣстныхъ жителей--и земельные споры. Споры эти относились къ усадебнымъ землямъ. Большая ограниченность земель удобныхъ для усадьбы, большая интенсивность ихъ культуры достаточно объясняютъ это явленіе. Оно же служитъ и указаніемъ на ограниченную пригодность архаическихъ формъ землепользованія. Увеличивающійся натискъ на землю возрастающаго населенія, большая интенсивность культуры, вызываемая имъ, составляютъ естественныя непреоборимыя препятствія для ихъ существованія. Но изъ этого далеко не слѣдуетъ, что исторически онѣ разбивались объ этотъ именно камень преткновенія. За исчезающими по своей мелочности, спорадичности и неполнотѣ исключеніями, европейскій землевладѣлецъ почувствовалъ относительную земельную тѣсноту далеко раньше естественнаго ея наступленія подъ вліяніемъ причинъ совѣмъ иного порядка. Такъ было и на Украинѣ. Этотъ дѣйствительный историческій ходъ событій выразился естественно и въ формулахъ положительнаго закона относительно правъ землевладѣнія и въ критическомъ возрѣніи на него со стороны слоевъ населенія, считавшихъ себя обойденными историческимъ ходомъ событій. Еще въ старой козацкой думѣ звучитъ нареканіе на «ляхивъ-дукивъ», которые «забрали все наши луга й луки». Такой именно взглядъ на аграрныя отношенія, какъ на результатъ насилія, доминировалъ въ народномъ міровозрѣніи временъ крѣпостныхъ. Подвергаясь подъ вліяніемъ измѣняющихся обстоятельствъ разнымъ модификаціямъ, взглядъ этотъ не могъ, конечно, исчезнуть, не оставляя слѣдовъ въ современномъ народномъ міровозрѣніи. Это и побуждаетъ меня нѣсколько остановиться на народномъ міровозрѣніи временъ крѣпостной зависимости. Суровый отрицательный взглядъ на крѣпостной строй нигдѣ, мнѣ кажется, такъ ярко не выражался, какъ на территоріи бывшихъ вольностей войска запорожскаго, гдѣ и традиція свободнаго доступа къ землямъ, и относительное обиліе ихъ, и болѣе позднее появленіе фактическаго «пидданства»—придавало особенно живую окраску народной мысли и чувству.

Къ концу 50-хъ годовъ (прошл. стол.) нѣсколько насъ товарищей студентовъ провели значительную часть каникулъ въ «мандриркѣ» по Новороссіи. Мы держались преимущественно мѣстъ болѣе близкихъ къ Днѣпру, проѣзжая по правому его берегу. Это были мѣста, давнѣе населенныя или смежныя съ ними, и здѣсь на всякомъ почти шагу мы встрѣчались съ живымъ воспоминаніемъ о Запорожьи.

Воспоминаніе это для крестьянскаго населенія имѣло значеніе воспоминанія о свободномъ доступѣ къ землѣ и личной волѣ. Этотъ порядокъ противопоставлялся крѣпостному, панскому. «За запорожцивъ добре було жыть, а теперь де яроть—тамъ панокъ, а де яръ—тамъ панъ». Это была ходячая стереотипная фраза, съ которою мы встрѣчались на каждомъ шагу. Это противопоставленіе запорожскихъ и крѣпостныхъ порядковъ было такъ живо, что при разговорѣ объ ожидаемомъ и приговорявшемся освобожденіи крестьянъ случалось слышать разсужденіе: «чы не запорожець пиднявся». Я помню сильное впечатлѣніе, произведенное на насъ бесѣдою старика «рыбалки» въ с. Покровскомъ на мѣстѣ одной изъ сѣчей запорожскихъ. Впечатлительность нашу оживляла историческая почва, матеріальные слѣды прошлаго (каменные кресты на могилахъ товарища того или иного куреня, памятникъ Сирка), благодущіе всей семьи, да наши молодые годы. Мѣсяць освѣщаль бѣлую, обвѣшанную «нызками» рыбы, хату и всю семью, вечерявшую передъ хатой. Насъ также пригласили на вечерю. За вечерею старикъ разговорился, побуждаемый нашими вопросами. Онъ разсказывалъ о бытовыхъ чертахъ козацкой жизни, разсказалъ, между прочимъ, въ прозаической формѣ одинъ изъ вариантовъ думы о Ганжѣ Андыберѣ, но рѣчь его звучала особенно краснорѣчиво, когда онъ перешелъ къ разсказамъ о разореніи Сѣчи, когда передавалъ легенду о церкви, которая провалилась въ землю, не желая быть свидѣтельницей совершающихся фактовъ. Но факты совершились, «народъ и земли» были легкомысленно, капризно розданы. Здѣсь такъ и слышался тотъ тонъ, который звучитъ у Шевченка, когда онъ говоритъ о разныхъ невзгодахъ, которыя на Украину «сараноу силы».

Въ давно населенной «городовой» Украинѣ *подданскія* отношенія были давнимъ фактомъ, и если во второй половинѣ 18 ст. встрѣчались еще массовые протесты противъ него, то неудачный ихъ исходъ, съ одной стороны, и болѣе сильныя руки, взявшіяся за охрану даннаго общественнаго строя съ конца 18 ст.—съ другой, подсказывали какъ будто мысль о стихійной ихъ непреоборимости. Потому въ давно населенной Украинѣ (я говорю о болѣе мною знаемой—правобережной) тонъ протестующаго негодованія, болѣе рельефно обрисовывавшійся въ Новороссіи, уступалъ иногда мѣсто безнадежному унынію. Когда-то, давнымъ давно, я слышалъ въ кіевскомъ уѣздѣ сказку, детали которой ускользнули, къ сожалѣнію, изъ моея памяти. Но сущность ея такова. «Заможній» хозяинъ широко оповѣстилъ о томъ, что онъ устраиваетъ обѣдъ, но за столъ онъ посадитъ только *правду*. Къ нему явились люди разныхъ общественныхъ положеній, претендующа на мѣсто за столомъ, но онъ устранялъ ихъ всѣхъ, указывая на разныя ихъ дѣянія, несогласныя съ идеей правды. Пришелъ и Богъ. Хозяинъ сталъ говорить о томъ, что Богъ даетъ однимъ всѣ блага жизни, оставляя на долю другихъ только ея тягости, и отказалъ и Богу въ мѣстѣ за столомъ. Тогда пришла смерть. Да, сказалъ хозяинъ, для тебя нѣтъ худшихъ и лучшихъ, ты относишься ко всѣмъ одинаково—твое мѣсто за столомъ.

Вотъ въ какомъ суровомъ, неприглядномъ видѣ представлялась иногда воображенію народа правда. Въ дѣйствительномъ, окружающемъ его мірѣ нѣтъ ея. «Нема въ свити правды, правды не зискаты, що теперъ неправда стала папуваты»—говорится въ извѣстной лирницкой пѣснѣ. Такая нота безнадежнаго пессимизма звучала иногда въ разговорѣ крѣпостного люда. Въ дни очень ранней молодости моея мнѣ случалось слышать среди крестьянъ безнадежные разговоры о непоколебимости крѣпостного строя, хотя это и было накануне его упадка. Такой же смыслъ имѣеть и пословица: «мужыкъ мужыкомъ, на выкы викомъ» (sic.). Такой же характеръ унылаго и какъ будто безнадежнаго протеста звучить и въ пѣснѣ, записанной мною въ крѣпостное время въ д. Маковищахъ, кіевского уѣзда. Тѣ пли иные ея варианты попадали

уже въ печать, но мнѣ она кажется настолько выразительной для освѣщенія затронутаго вопроса, что я рѣшаюсь привести здѣсь ее цѣликомъ.

Ой Содома, пане брате,
Содома, Содома—
Нема въ мене снопка жыта
Ни въ поли, ни дома.

Було въ мене, куме, жыто
Зелене, зелене,
Зайихалы вражи паны,
Забралы одъ мене.

Було въ мене, куме, жыто
Гей скризь по-пидь ричку,
Зайихалы вражи паны
Забралы на сичку.

Ой пишовъ я, пане брате,
Платы помынаты,
А вишь мене выбывъ добре,
Ще й выгнавъ изъ хаты.

А щожъ майемъ, пане брате,
Тепера робыты,
Йде колія на панщыну
Ввесь тыждень ходыты.

Ой пишовъ я въ понедилокъ,
Пишовъ у вивторокъ,
Ажъ выйихавъ панъ комысаръ,
Давъ нагайивъ сорокъ.

Ой ходывъ я увесь тыждень,
Ходывъ до суботы,
Ажъ выйихавъ самъ панъ-дидычъ:
«Чортъ-ма зъ васъ роботы».

А въ недилю дуже рано
Уси дзвоны дзвонять,
Осаулы зъ козаками
До выпысу гонять.

Ой думавъ я, пане брате,
Богу помолюся,
Осаула бере за лобъ
Бѣе кіємъ по ушахъ.

А наши осаулы
Мають въ пана ласку,
Зъ чоловіка деруть штаны,
А зъ жинки запаску.
Въ Колонщыни дзвоны дзвонять
Въ Маковыщахъ тихо,
Въ Колонщыни чортъ-ма добра
Въ Маковыщахъ лыхо.

Ой ходимо, пане-брате,
По за крути горы,
Нехай тута выводятся
Крукы та вороны.

И никакого, кажется, луча надежды... Проклятіемъ родному мѣсту заканчивается пѣснь. Да, это было время, вызвавшее и у Шевченка вопль сомнѣнія: «чы Богъ бачыть изъ-за хмары наши слѣзы й горе?»

Но если гнетъ жизненныхъ условій вызываетъ иногда у отдѣльныхъ единицъ чувство полной безнадежности, то съ нимъ не мирится постоянно возобновляющаяся притокомъ новыхъ силъ коллективная единица. Для коллективной психологіи острое горькое сознание тяжелыхъ условій жизни служить обыкновенно точкой отправления для мышленія, направленаго на противодѣйствіе имъ. Если съ чувствомъ безвыходнаго отчаянія не мирится вообще мысль коллективнаго челоувѣка, то въ данномъ случаѣ—меньше всего мысль украинскаго народа съ его традиціей двухвѣковой борьбы съ панскимъ общественнымъ строемъ, предшествовавшей времени, о которомъ была рѣчь. Вѣрный и чуткій сынъ этого народа—Шевченко вслѣдъ за цитированнымъ пессимистическимъ вопросомъ говорить: «пошлемъ думку ажъ до Бога, ёго запытаты: чы довго ще на цимъ свити катамъ пануваты?» И въ

данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ былъ вѣрнымъ выразителемъ направленія народной мысли, переходящей отъ сознанія жизненныхъ условій къ протесту противъ нихъ.

Въ волынскомъ вариантѣ только что цитированной пѣсни о панщинѣ, записанномъ Вл. Б. Антоновичемъ, послѣдняя строфа гласитъ:

Ой ходимо, пане брате,
 Въ степь, та въ гайдамакы,
 Може колысь вражымъ панамъ
 Дамося у знакы.

Исхода въ своемъ горѣ народъ ищетъ здѣсь въ обращеніи къ исторической традиціи. Такое ободряющее ея значеніе сохраняли для народа уцѣлѣвшія историческія пѣсни. На правобережьи не сохранилось бандуристовъ съ ихъ историческими думами. Историческую пѣснь сопровождалъ здѣсь жалобный аккомпаниментъ лиры или же она пѣлась хоромъ непрофессиональных сельскихъ пѣвцовъ. Не трудно понять, какой эффектъ производили среди крѣпостного люда пѣсни о борьбѣ съ «ляхами—мостивыми панамы», такъ какъ извѣстно, что подъ влияніемъ хода историческихъ событій въ словѣ *ляхъ* почти исчезло его національное значеніе и оно стало синонимомъ слова—пань.

Значительную популярность пользовалась пѣснь о сподвижникѣ Хмельницкаго, Нечай. Его не легко тревожатъ вѣсти объ идущихъ на него войной «ляшкахъ—панкахъ». «Козакъ Нечай, козакъ Нечай на те не вповайе, зъ кумасею Хмельныцького медь, выно кружайе», многократно повторяетъ пѣснь. Но когда этотъ беззаботный козакъ вскочилъ на коня, «за козакомъ, за Нечаемъ кровь ричкою тече», какъ снопы ложатся «ляшки-панкы» и послѣ нѣкотораго времени «не выскочыть кинь козацькій зъ-пидь нанського трупу». Въ окрестностяхъ Макарова (кіевск. уѣзда) пѣли о Бондаренкѣ, который «пишовъ до Бышева ляшкивъ-панкивъ быты», на югѣ кіевской губ. въ Субботовѣ былъ записанъ П. А. Кулишемъ извѣстный торжественный гимнъ: «Ой не дивуйте, добрыи люде, що на Вкраини настало». Въ другихъ мѣ-

стахъ пѣлись другія аналогичныя пѣсни. Пѣсни эти пѣлись, оглядываясь па то, что «пичь у хати», почти по секрету, избѣгая слушателей изъ пановъ или полиціи. Это сообщало имъ тѣмъ болѣе эффектности; онѣ, также какъ и уцѣлѣвшіе остатки исторической традиціи, дѣйствовали ободряюще, напоминая о томъ, что какъ ни важенъ панъ—и съ нимъ всякое бывало. «Якъ кынувся ляхъ до шабли, бурлака до друка—оце жъ тоби, вражый сыну, зъ душею розлука». Конечно, историческія традиціи съ теченіемъ времени ослабѣвали, да кромѣ того ими неохотно дѣлились съ людьми, стоящими внѣ народной среды, такъ какъ онѣ по общему своему направленію представлялись въ крѣпостное время запрещеннымъ, такъ сказать, плодомъ. Направленіе это было то же, которое было присуще разговорамъ Тарасоваго *диды*, когда у него «столитніи очи, якъ зори сіялы».

Маленькой иллюстраціей народнаго угла зрѣнія на событія прошлаго можетъ служить слѣдующій эпизодъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній. Во время нашей студенческой каникулярной экскурсіи въ концѣ 50-хъ годовъ мы остановились въ Трипольѣ (кіевской губ.). Старикъ, *рыбалка*, угощаль подъ корчмою надъ Днѣпромъ *молодыць*, помогавшихъ ему въ рыбной ловлѣ. Такъ какъ онъ видѣлъ меня водившимъ лошадей къ водопою, то считаль меня дворовымъ какихъ-нибудь проѣзжихъ пановъ и потому не стѣснялся въ разговорахъ со мною; къ тому же онъ нѣсколько подвыпилъ. Я старался съ нимъ завязать разговоръ о преданіяхъ старины. Богатый могильникъ Триполья послужиль точкой отправленія разговора. Конечно, курганы онъ считаль, по обыкновенію, козацкими, но хотя и говорилъ кое-что о козачествѣ, представленія его въ этомъ отношеніи были довольно смутны. «А чы не памятаете чого, диду, про гайдамакивъ»?—«Про гайдамакивъ? я й самъ, щобъ тоби не збрехать, зъ симдесять панивъ заколовъ». По сопоставленію его наружности и годовъ событій,—дидъ, кажется, напрасно, употребляль оговорку: «щобъ тоби не збрехать», но по оживленію разказа, детальности картинъ можно было съ увѣренностью заключить, что данныя преданія онъ слышаль въ ранней молодости отъ живыхъ участниковъ событій. Я

не берусь уже теперь за восстановление его живого, складнаго разсказа; я постараюсь восстановить только нѣкоторые его моменты, глубоко врѣзавшіеся въ мою память. Героємъ его разсказа былъ Швачка. Онъ со своими «хлопцями» сурово расправлялся съ «панамы и жыдамы»; въ добытыхъ панскихъ дворахъ устраивалъ пиршества, орошаемые напитками изъ бывшихъ панскихъ погребовъ. Разъ какъ то евреи спрятались въ погребъ и на вопросъ: «кто вы такіе?» отвѣчали: «ченци». — «Щожъ вы робыте?» — «За батька Хмельницького Богу молюсь». Я спросилъ дида: кто такой Хмельницкій. — «Хмельницькій—Швачка все йидно». Мнимымъ «ченцямъ», конечно, плохо пришлось отъ гайдамакъ. Но Швачку, наконецъ, поймали и закованного въ кандалы увезли. На прощаніе, обращаясь къ товарищамъ, онъ сказалъ имъ: «вы на те не вважайте, пийте, гуляйте, вражыхъ панивъ розбивайте».

Во всемъ этомъ разсказѣ до самохвальнаго утвержденія дида о его личныхъ дѣйствіяхъ включительно—ясно выступаетъ точка зрѣнія народной массы на событія прошлаго, а за ней и критерій оцѣнки крѣпостнаго строя. Разумѣется, подобные разсказы не были единственными, варьируясь по мѣсту и темпераменту разсказчика. Утверждать, что они очень часто встрѣчались, было бы рискованно, но и предполагать полную ихъ исключительность на томъ только основаніи, что съ ними рѣдко встрѣчались наблюдатели народной жизни изъ интеллигенціи—было бы другою крайностью. Нужно помнить о томъ недовѣрїи къ людямъ, стоящимъ внѣ крестьянской среды со стороны народа, съ которымъ въ значительной мѣрѣ мы и теперь встрѣчаемся и которое въ крѣпостное время было, конечно, значительно сильнѣе.

Я уже упоминалъ о рѣзкомъ критическомъ отношеніи къ крѣпостному строю, встрѣчаемомъ въ Новороссїи, при чемъ воспоминанія о болѣе недавнемъ земельномъ довольствѣ и личной свободѣ придавало здѣсь міровоззрѣнію народному по данному вопросу особенную живость. Этотъ оттѣнокъ народнаго міровоззрѣнія не оставался безъ вліянія и на болѣе давно закрѣпощенное населеніе болѣе сѣверной Украины. Довольно часто повторявшіеся временные побѣги изъ давно населенныхъ мѣстъ въ Ново-

россію служили орудіемъ этого воздѣйствія. Какъ ни рѣшительно крѣпостное право признавалось законнымъ порядкомъ и въ Новороссіи, однако сравнительная скудость населенія и обиліе земель не позволяли здѣсь построить всей системы хозяйства на мѣстномъ крѣпостномъ трудѣ. Пришлецы изъ сосѣднихъ губерній были крайне желательны, и въ виду этого никто не допытывался особенно тщательно о томъ: была ли у появившагося наймита «бумага». Одинъ мой знакомый, бѣглый крѣпостной изъ кievскаго уѣзда, служилъ нѣсколько лѣтъ у станового пристава въ херсонской губ. Нѣкоторые изъ *заробитчанъ* въ Новороссіи могли имѣть и законные виды (напр. старики, имѣвшіе болѣе 50 лѣтъ и не подлежашіе панщинѣ по инвентарнымъ правиламъ, а то, такъ называемые вольные люди, чиншевики и др.) но преобладали, кажется, «безбилетни»: Нѣкоторые изъ нихъ возвращались въ родныя села при измѣняющихся обстоятельствахъ, при переходѣ, напр., имѣнія въ другія руки, иные возвращались и поневолѣ. Тѣ и другіе дѣлились, конечно, съ мѣстнымъ населеніемъ впечатлѣніями, вынесенными изъ мѣстъ ихъ временнаго пребыванія. Уже самый фактъ сравнительно хорошихъ заработковъ по вольному найму имѣлъ оживляющее значеніе для крѣпостной массы. Разказы и пѣсни о бурлакахъ, ходившихъ на степной югъ и на взморье, встрѣчались въ отдѣльныхъ мѣстахъ сѣверной Украины. Правда, и на степномъ югѣ давали себя чувствовать иногда знакомые суровые порядки.

Якъ булы мы на мори,
 То гулялы доволи—
 Теперь же мы не на мори,
 Безбилетнымъ жыть намъ горе
 Въ чужій сторони».

Непосредственно преслѣдовалъ «безбилетныхъ» «вѣйтъ» или «соцькій» (ото жъ сынъ пребисовскій), тотъ или другой «суду не розбере, тилькы зъ бурлакъ гроши бере», но они были только орудіями панскихъ стараній. Бѣжали отъ панскихъ порядковъ

иногда и подалше, куда нибудь за Дунай, но и здѣсь подчасъ встрѣчались препятствія.

Та Дунай ричка не глыбока
 Ще й на перевози не шырока,
 Береги зъ берегамы,
 А лугы изъ лугамы,
 Де проходятъ кораблямы».

Корабли эти возили бурлакъ въ новые края, на вольные заработки,

«А теперь не проходятъ
 И бурлакъ не провозять
 За превражымы панамы».

Бывало, значить, и въ тѣхъ далекихъ мѣстахъ плохо, но бывало и лучше. Въ Новороссіи не разъ весело и довольно «збиралася бидна голота у трахтыръ гулять», и не какой-нибудь панскій «осаула» гнать ее на панщину, а конкурирующіе приказчики ухаживали за ними, зазывая на вольную работу къ тому или иному хозяину. Воображенію крѣпостного люда и эти уже отношенія говорили много; къ этому присоединялись рассказы о большемъ земельномъ довольствѣ въ Новороссіи и большей зажиточности, связанной съ нимъ. Не безъ того, что побывавшіе тамъ иной разъ приукрашивали дѣйствительность, можетъ быть, не преднамѣренно, а подъ вліяніемъ той иллюзіи, которая часто окружаетъ личныя воспоминанія на нѣкоторомъ протяженіи мѣста и времени при значительно измѣнившихся обстоятельствахъ. Изъ воспоминаній очень ранней молодости я помню эти рассказы и впечатлѣніе, испытываемое мною. Оно не было критически провѣряемо и несомнѣнно значительно скрашивало дѣйствительность, но мнѣ кажется, что именно потому оно было тѣмъ ближе къ впечатлѣнію, выносимому изъ данныхъ рассказовъ средой, сопоставлявшей ихъ съ своей панщинной жизнью. «Жыве винъ у землянци (новороссійскій крестьянинъ), а зайды до ёго: скилькы тамъ всякого добра, а скилькы того степу!» Какъ будто слышится

мнѣ разсказъ моего знакомаго Данила въ д. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда).

Кромѣ разсказовъ изъ современной жизни, люди, побывавшіе на территоріи бывшихъ «запорожскихъ вольностей», приносили и пѣсни, касавшіяся послѣднихъ временъ существованія Запорожья. Этимъ, вѣроятно, объясняется, сравнительно значительная распространенность историческихъ пѣсень, касающихся того времени, въ тѣхъ мѣстахъ кіевской губ., съ которыми мнѣ удавалось ближе познакомиться. Воспѣванія въ разныхъ вариантахъ старанія запорожцевъ о томъ, чтобы имъ были возвращаемы «стены-поля» («*планьки*») — значащіяся на планѣ земли — по другому варианту) «по прежню границу», естественнымъ образомъ переносились пѣвцами и слушателями на ихъ текущіе житейскіе интересы.

Всѣ ои и, конечно, много другихъ, упущенныхъ здѣсь мною изъ виду обстоятельствъ, поддерживали духъ критики по отношенію къ данному, существовавшему въ то время строю. На ея почвѣ вырастали иногда и проявленія болѣе активнаго протеста.

Одною изъ его формъ были побѣги крѣпостныхъ на степной югъ, а то и въ кіевскія «цегельни» и вообще въ тѣ мѣста, гдѣ былъ спросъ на вольнонаемный трудъ. Сколько-нибудь благополучный исходъ этихъ побѣговъ (собственно — извѣстной ихъ части) былъ возможенъ только при томъ сознаніи солидарности интересовъ сельскаго люда, которое вызывало повсемѣстное благоклонное участіе селянъ къ судьбамъ бѣглецовъ. Во время нашихъ студенческихъ экскурсій случалось иногда, что насъ принимали за тѣхъ «безбилетныхъ», которымъ «жыты горе». Въ такихъ случаяхъ мы могли лично замѣтить то благорасположеніе, которое по отношенію къ дѣйствительно въ немъ нуждавшимся принимало, конечно, болѣе активныя формы, несмотря на тотъ рискъ, съ которымъ оно было связано.

Значительно болѣе рѣзкою формою протеста были такъ называемые «бунты» крѣпостныхъ.

Я не имѣю матеріала для сколько-нибудь детальной ихъ исторіи, да въ данномъ случаѣ это не представляется необхо-

димымъ. Достаточно извѣстно, что эти «бунты» спорадически появлялись въ разныхъ мѣстахъ, несмотря на суровость репрессіи, которой въ наше время уже «вѣрится съ трудомъ». Они такъ естественно-неизбѣжно выросли въ краѣ, гдѣ,—по словамъ Шевченка,—«козаки тяжко шляхту покарали за те, що не вмилы въ добри пануваты», что несмотря на логическія построения доктринеровъ крѣпостного права, и въ средѣ, пользующейся имъ, часто зарождались инстинктивныя сомнѣнія въ его устойчивости; чаще—у менѣе богатыхъ, поставленныхъ условіями хозяйственной жизни въ болѣе близкое, хотя и далеко не пріятельское, соприкосновеніе съ народомъ: у посессоровъ, экономовъ, мелкихъ землевладѣльцевъ. Я помню изъ впечатлѣній моего дѣтства тѣ разговоры полупопотомъ, отъ слушанія которыхъ устраниются дѣти и которые все-таки, такъ или иначе, доходятъ до ихъ ушей. Заинтересованные сообщали другъ другу то о заготовленіи въ какой-нибудь кузницѣ ножей и «списъ» (пикъ), традиціонныхъ оружій гайдамаковъ, то о какой-нибудь картинѣ, изображающей эпизоды борьбы съ шляхтой и т. п. Оставшіеся еще въ живыхъ люди моихъ лѣтъ, имѣвшіе соприкосновеніе съ шляхетскою средой, помнятъ, конечно, изъ временъ нашей молодости зарождавшіяся отъ времени до времени среди шляхты опасенія повторенія коліивщины, пріурочиваемые обыкновенно—не знаю почему—къ всенощной наканувѣ Пасхи.

Ходили ли параллельно съ подобными слухами въ шляхетскою средѣ аналогичные и въ крестьянскою—не знаю, думаю скорѣе, что нѣтъ; но тѣмъ не менѣе они мнѣ кажутся характеристичными, какъ продуктъ исторической почвы края. Это историческое прошлое, внушавшее болѣе или менѣе сильный паническій страхъ въ шляхетскою средѣ, оставалось, конечно, не безъ вліянія и на крестьянскую среду, несмотря на слабое ея ознакомленіе съ нимъ. Но формы активнаго протеста приспособлялись поневолѣ къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Иногда онъ выражался въ дѣяніяхъ, напоминающихъ сюжеты, охотно воспѣвавшіеся романтическою поэзіей.

Такой характеръ имѣютъ дѣянія Кармелюка, очень извѣстнаго въ свое время въ Подолии и Кіевщинѣ—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ перешли въ преданіе. Дѣйствительной, фактической исторіи Кармелюка я, къ сожалѣнію, не знаю; мнѣ тоже неизвѣстно, была ли она кѣмъ-нибудь изслѣдована, но не подлежатъ сомнѣнію популярность его въ свое время и ея мотивы. Они формулированы въ пѣснѣ, сложенной, кажется, внѣ народной среды, но усвоенной и варьируемой народомъ. По преданіямъ и по пѣснѣ Кармелюкъ съ внѣшней стороны не былъ въ согласіи съ закономъ; это его и завело въ Сибирь. Изъ Сибири, правда, онѣ вернулся, но и на родинѣ не нашель *доли*, «хоть здається не въ кайданахъ, а все жъ не на воли». Онѣ собралъ «славныхъ хлопцівъ—що жъ кому до того?—засидаємъ по дорогамъ ждаты подорожнёго». Его за это преслѣдуютъ «ассесоры исправныкы», но въ сущности они грѣшнѣе его, такъ какъ «більше вони людей были, ніжъ я грихивъ маю». Эта его безгрѣшность объясняется просто:

«Зъ багатого хочъ я визьму,
Убогому даю,
А такъ грошы роздильвышы,
Гриха я не маю».

Такимъ представляется Кармелюкъ по преданію; дѣянія его снискали всеобщія симпатіи среди народа въ виду данной ихъ мотивировки. Вотъ почему Костомаровъ, въ полемикѣ съ Падалицею (въ Основѣ), не колеблясь поставилъ имя Кармелюка на ряду съ извѣстными дѣятелями борьбы украинскаго народа съ шляхтою. Здѣсь нельзя не упомянуть объ одномъ весьма характерномъ, хотя и весьма мало изслѣдованномъ явленіи изъ недавняго прошлаго Кіевщины. Я говорю о народномъ движеніи 1855 г., охватившемъ, на сколько мнѣ извѣстно, въ большей или меньшей мѣрѣ уѣзды каневскій, васильковскій и сквирскій кіевской губ. Удовлетворительнаго изслѣдованія исторіи этого движенія, насколько мнѣ извѣстно, не имѣется; воспоминанія о немъ протоіерея Лебединцева (въ Кіевской Старинѣ) далеко не исчер-

пывають затронутаго вопроса. Не имѣя достаточнаго матеріала, я не берусь за сколько-нибудь систематическій рассказъ о данномъ движеніи, тѣмъ не менѣе самыя общія, очень ясныя и характерныя черты его не трудно установить людямъ, близкимъ по времени и мѣсту къ событіямъ. Сущность ихъ состояла въ слѣдующемъ. Во время восточной войны въ 1855 г. между крестьянами названныхъ мѣстностей распространился слухъ о томъ, что есть царскій указъ, которымъ они причисляются къ козакамъ и вслѣдствіе этого освобождаются отъ панщины и вообще зависимости отъ пановъ, получая въ свое пользованіе, взаменъ за козацкую службу, всѣ земли, принадлежащія къ даннымъ селамъ. Этотъ мнимый указъ былъ яко-бы присланъ для обнаруженія приходскимъ священникамъ, но они, подкупленные панами, сохраняютъ его въ тайнѣ. Оплачиваемая полиція помогаетъ имъ въ этомъ и преслѣдуетъ крестьянъ, стоящихъ въ данномъ случаѣ на легальной яко-бы почвѣ. Здѣсь повторилось часто встрѣчавшееся въ разныхъ случаяхъ предположеніе объ антагонизмѣ между верховной властью и исполнительными ея органами. Между прочимъ въ одномъ изъ вариантовъ пѣсни о разореніи Сѣчи Екатерина II отвѣчаетъ на просьбы запорожцевъ: «ой рада бѣ я, запорожци, вамъ добро чыныты, та не можу за сынодчыкамы въ Сынодь (sic) прыступыты».

Движимые упомянутыми слухами, крестьяне обращались къ мѣстнымъ священникамъ съ просьбою объявить имъ предполагаемый манифестъ о козачествѣ, чего тѣ, конечно, за его отсутствіемъ, не могли сдѣлать. Это вызывало рядъ непріятностей, устраиваемыхъ крестьянами священникамъ. Независимо отъ этого, вполне убѣжденные въ вѣрности слуха, крестьяне обращались къ сельскимъ грамотѣямъ, которые составляли по ихъ желанію «регистры козаковъ». Я зналъ лично одного изъ такихъ составителей козацкихъ регистровъ, занимавшаго во время знакомства со мной скромную должность «кухара». Исполненіе панщины прекратилось; въ селахъ была установлена «козацька стража» для наблюденія за порядкомъ и въ огражденіе отъ пріѣзда злонамѣренныхъ людей; шинки въ иныхъ мѣстахъ закрывались. Осо-

бенно рѣзкихъ насилій крестьяне, убѣжденные въ правотѣ и легальности своего дѣла, не совершали. Но нарушеніе даннымъ движеніемъ всего крѣпостного строя вызвало, конечно, репрессію и неизбѣжную въ то время суровость расправы. Ружейные выстрѣлы мало тутъ работали,—холостые выстрѣлы вызывали панику среди крестьянъ, не ожидавшихъ такого поворота дѣла, и кое-гдѣ только было убито нѣсколько человекъ острыми зарядами—напр. въ с. Березнѣ (сквирск. уѣзда). За то ужъ розги, конечно, работали исправно. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ данныхъ событій мнѣ случалось слышать рассказы людей, побывавшихъ въ этой расправѣ, хотя и не принадлежавшихъ къ числу болѣе видныхъ дѣятелей. Одинъ изъ этихъ рассказчиковъ изъ с. Велико-Половецкой (васильков. уѣзда) называлъ эти событія съ нѣкоторой ироніей «мужыцкою войною». Но какъ ни рѣшительна и сурова была расправа съ участниками этой «мужыцкою вѣйны», внушая страхъ, она не внушала, однако, мѣнѣя о полной несостоятельности легальныхъ яко-бы мотивовъ движенія или по крайней мѣрѣ внушала не совсѣмъ полно. Года черезъ четыре послѣ упоминаемыхъ событій, въ бесѣдѣ, коснувшейся случайно ихъ, одна крестьянка въ с. Сотникахъ (въблизи Корсуни), указывала мнѣ на смерть нѣсколькихъ священниковъ, отказавшихся въ свое время отъ объявленія мпимаго манифеста, какъ на кару провидѣнія за это дѣяніе.

Вспоминая эти событія, нельзя въ данномъ мѣстѣ не обратить вниманія на двѣ его характерныя черты. Съ одной стороны аспираціи къ лучшему будущему представляются какъ бы продолженіемъ аналогичныхъ аспирацій прошлаго, и воля представляется въ козацкой формѣ, а съ другой—въ движеніи видна глѣбокая вѣра въ необходимость законодательнаго вмѣшательства въ существующія общественныя отношенія, вмѣшательства въ интересахъ обиженныхъ, въ данномъ случаѣ крестьянъ.

Моментъ этого вмѣшательства дѣйствительно приближался. Во время упомянутой уже здѣсь нашей студенческой экскурсіи шли уже пригготовительныя работы къ великому акту 19 февраля. Въ дорогѣ при всякомъ случаѣ завязывались разговоры на дан-

ную тему. Мы, конечно, сообщали то, что намъ было извѣстно о ходѣ подготовительныхъ работъ, а такъ какъ въ то время сельскіе интеллигенты считали нужнымъ секретничать по данному вопросу передъ крестьянами, то наша откровенность цѣнилась значительно выше нашей заслуги. Я думаю—оставшіеся въ живыхъ товарищи мои по данной экскурсіи хорошо помнятъ эти оживленные разспросы; имъ памятна, вѣроятно, фраза: «колы буде добро?»; они не забыли того радушія, которое мы встрѣтили напр. въ с. Македонахъ (каневского уѣзда) въ отвѣтъ на наши скромныя и осторожныя сообщенія. «Колы буде добро?»—живо и горячо спрашивали насъ какъ мужчины такъ и женщины, а пока, кормили нашихъ лошадей и насъ хлѣбомъ, орошеннымъ «кровонымъ потомъ и слѣзамы» панщинной жизни, собираемымъ въ короткіе промежутки, достававшіеся въ лѣтнюю страду на долю сбора хлѣба на своей пивѣ.

Самая повсемѣстность и интенсивность данныхъ разспросовъ указывала на то, что, несмотря на скрываніе ожидавшагося законодательнаго акта отъ крестьянъ людьми инословными. слухи о немъ широко распространились въ народной средѣ, вызывая надежды и предположенія, часто въ значительной мѣрѣ отклонившіеся отъ реальной почвы. Самое секретничаніе по данному вопросу готовило почву для этихъ предположеній. У меня нѣтъ матеріала для того, чтобы болѣе или менѣе точно определить общій тонъ этихъ предположеній, и потому я ограничусь сообщеніемъ только нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ. Крестьянамъ, не чувшимъ еще надвигавшихся осложнений капиталистическаго хозяйства, представлялось въ будущемъ положеніе ихъ болѣе доминирующимъ, чѣмъ оно оказалось въ дѣйствительности, положеніе пановъ болѣе безвыходнымъ. Это послѣднее согласно пословицѣ: «колыбъ панъ за плуга взявся, то бѣ и свиту одурався». Этотъ тонъ звучитъ и въ народныхъ пѣсняхъ о волѣ, гдѣ разговоры пановъ о безвыходности ихъ положенія пересказываются съ веселою насмѣшкою. Одна изъ такихъ пѣсенъ была не такъ давно помѣщена въ «Кіевской Старинѣ». Эти же соображенія просвѣчивали и въ разговорѣ со мною проѣзжихъ крестьянъ,

остановившихся было для отдыха около корчмы въ д. Маковицахъ (кіевского уѣзда). Они завязали разговоръ на тему объ ожидавшейся реформѣ. Я имъ сообщалъ все извѣстное мнѣ. Мои собесѣдники были очень тронуты моею откровенностью и въ заключеніе обратились ко мнѣ со словами: «хочъ мужыквивъ одберуть одъ панивъ, вы межъ нами не пропадете: мы зробымо васъ головою або старшымъ пысаремъ».

Конечно, болѣе, или менѣе значительный радикализмъ предположеній, сюда относящихся, былъ различенъ: самую радикальную ихъ формулу мы слышали на Подоліи во время студенческой экскурсіи отъ «дида — шынькаря». Подобно другимъ, онъ разспрашивалъ насъ объ ожидавшейся реформѣ, объ основаніяхъ земельного надѣла и т. п. Очевидно, все сообщаемое нами казалось ему слишкомъ сложнымъ, и онъ закончилъ бесѣду своимъ упрощеннымъ проектомъ: «зигнать бы всихъ панивъ въ йидну слободу, а мужыкамъ отдать земли, пехай всякъ на себе робыть». Не всѣ, конечно, такъ далеко заходили, но въ общемъ живыя надежды, связывавшіяся съ такъ долго ожидаемымъ «добромъ», питаемая къ тому же незнаніемъ фактическаго хода подготовительныхъ работъ, вызывали предположенія слишкомъ оптимистическія, которыя и были причиною затрудненій при введеніи уставныхъ грамотъ. Ими объясняется между прочимъ и общее нежеланіе входить въ добровольныя соглашенія, формулируемая словами: «нехай и у насъ буде, якъ у людей», или же: «почекаймо до слушнаго часу».

Ф. Рыльскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).